

Кэнто Нанами был магом-дзюкуси. В свои двадцать семь лет он успел вкусить прелести офисной рутины в самой заурядной конторе, но в конце концов вернулся в мир магии. О причинах его ухода и триумфального возвращения слагали легенды, а его знаменитая сентенция о том, что «работа — это дерьмо», давно стала негласным девизом среди коллег.

— Господин Нанами, мы почти на месте, — негромко произнес сидевший за рулем невзрачного черного минивэна вспомогательный куратор, приписанный к клану Годзё.

Сегодняшняя миссия Нанами не была связана с изгнанием очередного проклятого духа. Его попросил о помощи старший товарищ, Годзё Сатору: требовалось приструнить шайку обнаглевших магов-проклинателей, решивших половить рыбку в мутной воде, пока весь магический мир лихорадило от внутренних распрей. Сатору уже разузнал, где скрывается это отребье, но тратить драгоценное время на столь мелкую сошку Шестиглазый не собирался, а потому перепоручил дело Кэнто.

— Понимаю, — ровно ответил Нанами.

Он поправил песочный пиджак, проверил дужки защитных очков и, перехватив обернутый пятнистой тканью тупой тесак, бесшумно покинул салон. С его резких, благородных черт лица не сходило суровое выражение, выдававшее в нем человека смешанных кровей.

— В таком случае я буду ждать здесь, господин Нанами, — напутствовал его вспомогательный куратор с водительского сиденья. — Если что-то пойдет не так, подайте знак.

Боец из вспомогательного куратора был никакой — его максимум ограничивался установкой барьера. Однако на этот раз Нанами противостояли не безмозглые монстры, а хитрые люди. Поспешно опущенная «Завеса» лишь спугнула бы дичь, выдав присутствие мага-дзюкуси, поэтому от возведения барьера решено было отказаться.

Нанами окинул взглядом невзрачную бетонную коробку, затерявшуюся среди тесной жилой застройки, и молча кивнул. В густонаселенном квартале любая оплошность грозила обернуться катастрофой. Ему требовалось сработать чисто, бесшумно и, по возможности, прикончить главарей одним точным ударом, не дав им опомниться и схватиться за заложников.

Шаг за шагом он поднимался по обшарпанной лестнице. Из-за дверей квартир доносились дразнящие запахи домашней стряпни, и этот мирный аромат невольно всколыхнул в памяти Нанами недавний вечер в колледже, когда они всей гурьбой уплетали горячий наваристый хот-пот.

Именно тогда он впервые воочию увидел загадочного старшего брата Сатору, о котором столько судачили. Белоснежные волосы, алые глаза — парень выглядел совсем юным, почти подростком, чье бледное лицо еще не утратило мальчишеской мягкости.

Тот ужин затеял сам Годзё Акихара, рассчитывая посидеть с младшим братом наедине, но

Сатору в своей неподражаемой манере притащил с собой целую ораву студентов и коллег, превратив скромную трапезу в шумное застолье.

Годы, проведенные Кэнто в душных офисах среди фальшивых улыбок, натренировали его взгляд подмечать любые мелочи. Он сразу уловил витающую между братьями натянутость. Сатору то и дело демонстративно, хотя и безуспешно, пытался держаться от Акихары на расстоянии, в то время как старший брат глядел на Шестиглазого с какой-то странной, отстраненной растерянностью, словно тот был для него почти чужим.

Это не походило на обычную семейную размолвку — в их отчуждении крылось нечто куда более глубокое.

— Кэнто Нанами? Коллега Сатору по колледжу?

Посреди пиршества Нанами ускользнул на крыльцо, надеясь перевести дух за сигаретой. Годзё Акихара бесшумно последовал за ним и негромко окликнул по имени.

Заметив появление Акихары, Кэнто по привычке потянулся потушить сигарету, но вовремя спохватился. Юношеская внешность наверняка была обманчивой наследственной чертой клана Годзё — сам Сатору тоже умудрялся выглядеть в свои годы как несносный мальчишка. Поколебавшись, Нанами вежливо протянул гостю пачку.

— Благодарю, — отозвался Акихара.

Он уверенно взял сигарету и привычным, отточенным жестом щелкнул зажигалкой.

Одно это мимолетное движение выдало в нем курильщика со стажем. Контраст между невинным, почти детским лицом и тяжелым табачным дымом казался неестественным. Здесь Акихара разительно отличался от младшего брата, который на дух не переносил ни алкоголь, ни сигареты.

Конечно, Кэнто не питал иллюзий, будто наследник великого клана вышел на морозный воздух просто ради компании. Он терпеливо выжидал, пока собеседник перейдет к делу.

— Расскажи мне о прошлом Сатору, — негромко попросил Акихара.

Он давно по крупицам собирал сведения о Шестиглазом этого мира — вычитывал сухие факты из архивных отчетов, расспрашивал его подопечных, беседовал с директором Ягой и Сёко Иэйри. Что-то из этих поисков велось в строжайшем секрете, а что-то Акихара проворачивал демонстративно, прямо под носом у младшего брата.

После подробных расспросов Яги и Сёко он не планировал донимать Нанами, однако случайная встреча на крыльце показалась ему слишком удобным поводом, чтобы упускать его.

Скрыв легкое недоумение за вежливой маской, Кэнто поведал то небольшое, что сохранила его память. Как младший товарищ по учебе, он не входил в ближний круг Шестиглазого, и большая часть его рассказов лишь дублировала уже известные Акихаре подробности.

—...Годзё Сатору — человек, которому можно безоговорочно доверять. Он безрассуден, но его сила делает его надежным щитом для всех нас.

Договорив, Нанами поймал себя на нелепом ощущении. С одной стороны, это походило на строгий деловой отчет перед высокопоставленным начальником. С другой — он почувствовал себя хозяином передержки для животных, который подробно расписывает взволнованному владельцу повадки приبلудного, на редкость дикого кота.

Стоило ли раскрывать его невыносимый характер и мелкие пакости?

Впрочем, любые бесчинства этого несносного взрослого ребенка в глазах старшего брата наверняка выглядели бы не более чем забавными шалостями. Будучи искушенным в тонкостях человеческих взаимоотношений, Нанами решил благоразумно придержать язык.

— Понимаю, — тихо кивнул Акихара.

К этому моменту их сигареты как раз истлели до фильтров. Акихара разогнал ладонью повисшее в морозном воздухе сизое облако и шагнул к двери. На пороге бледный юноша вдруг остановился, обернулся и, пристально взглянув на Кэнто своими алыми, как свежая кровь, глазами, негромко произнес:

— На твоём месте я бы уже проснулся.

— Что?.. — Нанами нахмурился.

— И еще, — добавил Акихара с тонкой усмешкой, — сюда идет один несносный мальчишка. Он вечно лезет на рожон.

Кэнто не успел осмыслить эти слова. Окружающий мир — заснеженный дворик колледжа, теплый свет из окон, запах табака — внезапно пошел глубокими трещинами и с оглушительным звоном осыпался, подобно зеркальному осколку. Иллюзия растаяла, обнажив суровую реальность.

Грохнуло!

В лицо ему летел сокрушительный удар ноги. Нанами едва успел вскинуть скрещенные предплечья, мгновенно укрепив их плотным слоем проклятой энергии.

Мощный толчок отбросил его назад, подошвы ботинок со свистом прочертили полосы на грязном полу. Инерция удара была колоссальной, но своевременный блок спас его от неминуемой смерти: предплечья онемели от дикой боли, однако ребра, к счастью, остались целы.

— Твою мать! Как этот ублюдок умудрился очнуться раньше времени?! — в ярости выплюнул напавший проклинатель, оборачиваясь к своему спутнику — высокому мужчине в буддийском облачении-кеса, чей лоб уродливой дугой огибал хирургический шов.

Кэндзяку, прочно обосновавшийся в теле покойного Сугуру Гето, тоже не скрывал легкого удивления. Иллюзия была соткана с помощью редчайшего проклятого артефакта особого ранга, который обошелся ему в целое состояние. Этот артефакт насылал морок беззвучно и мягко — под его влияние на какое-то время попадали даже сильнеешие маги-дзюцуси.

— Гето... — Нанами тяжело дышал, всматриваясь в знакомый силуэт. — Нет. Вы не господин Гето.

Кэнто доподлинно знал: Сугуру Гето испустил дух в канун прошлого Рождества, во время учиненного им Ночного парада ста демонов. Его тело уничтожил лично Сатору — в этом не могло быть никаких сомнений.

Кэндзяку насмешливо вскинул бровь.

— С чего такая уверенность, Кэнто? — протянул он вкрадчивым, до боли знакомым голосом. — Сатору всегда считал меня своим единственным другом. Разве не мог он проявить минутную слабость и оставить мне жизнь?

На самом деле Нанами не входил в его первоочередные цели. Однако реформы, затеянные Сатору в верхах магического сообщества, сильно ломали далеко идущие планы лже-Гето. К тому же Годзё Акихара в последнее время развернул слишком бурную деятельность, пытаясь выйти на его след. Чтобы получить весомый козырь и обезопасить себя, Кэндзяку решил убрать Кэнто, а затем занять его место. Личина неприметного, педантичного мага-дзюцуси позволила бы ему вплотную приблизиться к Акихаре и выяснить, откуда взялся этот таинственный «старший брат».

Нанами прищурился, крепче сжимая рукоять тесака. Противник перед ним обладал чудовищной, удушающей силой — в одиночку выстоять против этого монстра было чистым самоубийством. Лихорадочно соображая, как совершить тактический отход, он решил потянуть драгоценные секунды разговором:

— Годзё Сатору никогда бы так не поступил.

Каким бы несносным и капризным ни казался Шестиглазый обывателям, в ключевые моменты на него всегда можно было положиться.

— Вот как? — Кэндзяку тихо, издевательски рассмеялся.

Мужчина небрежно взмахнул рукой. За его спиной разверзлась вязкая черная бездна, из которой с тошнотворным клекотом хлынули клубящиеся, уродливые твари.

Манипуляция проклятыми духами. Врожденная техника покойного Гето. Как этот самозванец умудряется использовать ее с такой пугающей легкостью?

Нанами перехватил тесак поудобнее. В его голове со свистом проносились варианты побега, но глубоко в душе крепла железобетонная уверенность: Сатору не предал бы их общее прошлое. Он бы никогда не пощадил убийцу.

Даже ради того, кого когда-то называл единственным другом, Сатору не переступил бы черту. Он бы не оставил в живых безумца, вырезавшего сотни невинных людей. Разве что... весь этот мир окончательно сошел с ума.

Да, именно так. Мир сошел с ума.

Глаза Нанами расширились от внезапного осознания.

Другой мир

Шел седьмой день летних каникул.

Но золотистый пляж и ласковый шепот волн уже порядком наскучили маленькому Сатору.

— Мороженое будешь, Сатору?

Сигма, которому наконец-то выпал редкий выходной, упивался долгожданным отдыхом с детской непосредственностью. Облаченный в кричащую гавайскую рубашу и безразмерные пляжные шорты, он щеголял своей экстравагантной бело-сиреневой шевелюрой и казался самым счастливым человеком на побережье.

Правда, столь броский вид привлекал к нему слишком много любопытных взглядов отдыхающих. Начинаящий социофоб в Сигме тут же забил тревогу, заставив его поспешно спрятать глаза за темными стеклами солнцезащитных очков.

Маленький Годзё оделся под стать своему спутнику, но прятать лицо не стал. Приняв из рук Сигмы огромный рожок с тремя разноцветными шариками, он уныло ковырнул его лопаткой и проворчал под нос:

— И куда братик запропастился?..

Для Сатору Сигма не пожалел целых три шарика лакомства, себе же взял поскромнее — всего два. Парень обожал сладкое, отдавая особое преимущество хрустящему печенью, так что его порция была щедро усыпана шоколадной крошкой.

— У господина Акихары, должно быть, важные дела в городе, — мягко успокоил его Сигма. — Он обещал вернуться к ужину.

Сатору поудобнее устроился на шезлонге и недовольно подпер пухлую щеку свободной ладонью. Другой рукой он ловко орудовал лопаткой, спасая тающие на солнце сладкие потеки.

— Да я не об этом... — надулся мальчик.

Дело было вовсе не в том, что Акихара отлучился на пару часов. Его беспокоило кое-что другое.

Бросив хмурый взгляд на Сигму, увлеченно уплетавшего свое лакомство, Сатору спросил:

— Неужели ты не заметил, что братик в последнее время совсем невеселый?

Когда Акихара грустил, у Сатору тоже все валялось из рук. И даже яркое южное солнце вкупе с теплым прибором не приносили никакой радости.

— А? — Сигма удивленно моргнул. — Господин Акихара не в духе?

Старший брат всегда держался со спокойным, почти непроницаемым достоинством, так что Сигма, по правде говоря, никакой перемены в его настроении не уловил.

Сатору выразительно закатил глаза, мысленно обозвав собеседника недотепой.

— Конечно грустит! Неужели не видно?

В очередной раз подтвердилась непреложная истина: в их семействе лишь он один по-настоящему пекся о душевном покое брата!

Тодзи вечно пропадал неизвестно где, наплевав на совместный отдых. Сигма с Киёкадзэ по уши закопались в бесконечные отчеты и дела организации. Выходило, что вся ответственность ложилась на его хрупкие детские плечи!

Сигма озадаченно взъерошил свои двухцветные волосы:

— И как же нам растопить эту тоску? Может, устроим для него что-нибудь особенное?

— В том-то и беда, что мы понятия не имеем, какая муха его укусила, — вздохнул Сатору.

— Твоя правда... — Сигма, чьи мыслительные способности вне рабочей обстановки стремительно стремились к нулю, лишь беспомощно развел руками.

Сатору перевел взгляд на бескрайнюю водную гладь. Под яркими лучами полуденного солнца море искрилось и сверкало, словно усыпанное тончайшей золотой крошкой. Настоящее загляденье.

Но Акихара даже не удостоил эту красоту взглядом. Он сидел на берегу, задумчиво опустив ресницы, и его мысли витали где-то очень далеко. Сатору прямо-таки извелся, отчаянно желая разогнать эти мрачные тучи, но совершенно не представляя, с чего начать.

— Я, пожалуй, вернусь в отель, Сигма, — решительно произнес мальчик, отправляя в рот последний кусочек вафельного рожка.

Сигма, который все еще напряженно пытался отыскать в памяти признаки хандры своего покровителя, встрепенулся и потянулся встать с шезлонга, готовый составить мальчику компанию.

— Не надо, сиди, — остановил его Сатору. — Я просто ополоснусь от соли и песка. А ты отдыхай, заслужил ведь.

В свои десять лет будущий величайший маг-дзюцуси чувствовал себя вполне самостоятельным, чтобы преодолеть пару сотен метров до гостиницы без нянек.

К тому же Сигма выглядел таким довольным в своей нелепой гавайке, что лишать его законного отдыха казалось почти кощунством. Сатору, несмотря на несносный нрав, умел проявлять чуткость, когда дело касалось близких.

Оценив непреклонный тон юного мага, Сигма после секундного колебания сдался и со вздохом опустился обратно на шезлонг.

— Ладно. Только аккуратнее по дороге. Если что-нибудь случится — сразу набирай мой номер, договорились?

— Без проблем, — Сатору небрежно щелкнул пальцами и зашагал прочь по теплomu песку.

Но Сигма даже не догадывался, что покорное ожидание никогда не входило в перечень добродетелей Шестиглазого. Примерный и послушный Годзё Сатору — это оксюморон, не имеющий ничего общего с суровой реальностью.

Мальчик побрел к отелю, и на его лице отразилась серьезная, не по-детски сосредоточенная дума.

«Значит, братик в последнее время сам не свой... Наверняка все дело в этой штуке».

<http://bllate.org/book/19395/2004761>